

Монолог для Гоголя

...вдруг растворилась дверь, вошел Гоголь...

С.Т. Аксаков

Вы были правы, Николай Васильевич, когда говорили, что после смерти Пушкина писать стало не для кого. Но вы писали и сделали нас героями. Вы обессмертили посредственность, увековечили пошлость, оправдали страждущих не на шутку и терпящих друг от друга самодовольных всезнающих глупцов и гладко выбритых стеснительных воришек. Вы оправдали непомерную сытость и вульгарность, как единственный способ существования; “вечную желтую краску” наших домов и “какой-то особенный лакейский запах”, носящийся по улицам. Вы собрали воедино всех посредственностей “надувательной земли”, то есть всех живущих по средствам, в меру безразличных, в меру функционирующих, ни то ни се, не горячих и не холодных, задумчивых сидней “по своим надобностям”, байбаков, разбросанных закоулками. Вы говорили о себе, что “прежде я был толстяк, а теперь болен”, болен своими героями. Вы изобразили нас “приятными во всех отношениях”, но мы - “черная точка” в вашей душе, “глухие могилы вместо людей”. Ваша искренность не нравилась никому, вызывала раздражение, плутовство принималось за действительность, замкнутость оскорбляла. Вы, как ваш художник, “вырывали что-то живое из жизни”, годами переписывали свои сочинения, “уничтожали гениальное”, посвящали нам свои сны. Именно за это вас так долго спасали от смерти, брили, страшали страшным судом, ставили к носу пиявки, насильно сажали в горячую ванну, поливали холодной водой, обкладывали горчичниками. Мы были “чертовски энергичны”, мы любили вас, но вы умерли так же нелепо и неожиданно для нас, как родились. И нам, вашим героям, стало страшно без вас, и мы засмеялись, как никто не умеет смеяться в мире, засмеялись над собой, чтобы не была так “грустна наша Россия”.

Через 200 лет после вашего рождения, Николай Васильевич, город NN не изменился. Я прогуливаюсь по улицам и с удовольствием вижу, что дома выкрашены той же “вечной желтой краской”. Как прежде, на улице стоят мужики, философствующие в пустоте: “Вишь ты, вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” Скажут и ухмыльнутся такой усмешкой, как если бы “человек, доставши себе в нос насморк и сиюсь при насморке чихнуть, не чихнул, но так и остался в положении человека, собирающегося чихнуть”. И в каждом обсуждаемом автомобиле сидит наш новый Чичиков “не красавиц, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтоб слишком молод”. Рядом с ним, на сиденье, вместо заветной дорожной шкатулки красного дерева, которая была будто жена вашего Чичикова (в сущности, не знающего женщин), тщательно оберегаемая пухлая барсетка - новый символ жены, или тонюсенький ноутбук, будто закадычный дружок, спасающий от скуки в трудную минуту. Я думаю, возможно, именно этот наш Чичиков, как некогда ваш Тентетников, обдумывает, слава Богу, сочинение, которое “долженствовало обнять всю Россию со всех точек - с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность - словом, большого объема”, сочинение, своевременность которого в нашей стране, как вы бы могли заметить, всегда актуальна. Словом, все-таки мы изменились, мы стали многочисленнее и образованнее, а “пошлость образованного человека не имеет себе равной”.

Я иду по городу, где все поделено на казенное и ворованное. Я знаю, что, зайдя в любую

организацию, я, по примеру Чичикова, буду выпрашивать швейцара “большой ли подлец их хозяин”, и мне ответят: “О, большой, сударь, мошенник”. Я иду по вашему, Николай Васильевич, городу NN, словно читаю ваше сочинение. Вот бежит молодой человек “с покушеньями на моду”, бежит и растворяется в воздухе, вот рекламный агент “живой и вертлявый до такой степени, что даже нельзя рассмотреть, какое у него лицо”, вот Коробочка с сумками широкого размера и содержания, которыми в России, с любовью, пользуются “известного рода” рыночные торговцы, и даже государственные мужи, имеющие, в часы государственного досуга, кокетливую слабость ко всяким “грибкам, пирожкам, скородумкам, шанишкам, блинкам, лепешкам с припеками”. Вот размышляющий о себе Манилов с супругой, Ноздрев в казино, дама - “просто приятная дама”, а рядом более везучая подруга - “дама приятная во всех отношениях”, и они переполнены новостями, благородными чувствами, состраданием и желанием быстрее полюбить ближнего. Я оглядываюсь на витрины магазинов, где красуются “безделушки позднейшей роскоши”, “грошевое чтиво” с глубокомысленными глазами психоаналитиков на обложке, обещающих исправить все, что у нас есть, к лучшему; элитная водка “Пушкин” и ветчина “Моцарт”; бесконечные скидки на золото, бесконечная пошлая пробирающая действительность, в которой “все по десять”. А с рекламного плаката на меня смотрит какой-то успешный молодой пошляк, белокурый и довольный собой. И я вспоминаю, что такой же преуспевающий весельчак убил поэта Пушкина. Я думаю о том, что вы, Николай Васильевич, в сущности, любили Россию. “Если же и музыка нас покинет?..” - вопрошали вы и прислушивались, как “раздается немолчно”, “хватает за сердце” русская “беспредельная песня”, как запекает ее “здоровый, свежий, как девка, детина, третий от руля”. “Здесь ли, в тебе ли не зародиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?” - вопрошали вы “могучее пространство”. Но перед вами стояла беззвучная река нашей действительной жизни “по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын - разумеется, птица, а не человек” и “поймав рыбу, держал ее впоперек в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, и глядя в то же время пристально вдоль реки, где в отдаленье виден был другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу”. Мы и есть ваши молчаливые мартыны, покинутые музыкой, и различаемся только тем, что одни уже поймали рыбу, другие же пристально глядят на поймавших. Вы часто и неожиданно уезжали от нас, подняв высокий воротник шинели, и в своих странствиях, скучая о России, могли одним росчерком превратить другую страну в шутку, допустим, в нос: “Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает”. Я всматриваюсь в идущие навстречу носы, желудки, шинели, лица, перечеркнутые улыбками, души с покушеньем на жизнь, чиновников и служащих “нельзя сказать, чтобы очень замечательных, низенького роста, несколько рябоватых, несколько рыжеватых, несколько даже на вид подслеповатых, с небольшими лысынами на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется геморроидальным”, всматриваюсь в ваших бесчисленных Сысоев Пафнутьевичей и Макдонольдов Карловичей. Я ищу вас, Гоголь, как вы искали того, кто “одним чародейным мановением мог бы устремить на высокую жизнь русского человека”, вы искали Россию и верили в нее как в птицу-тройку, как в Живую душу.

Автор: Владимир Угрюмов